

Все пошло не так с самого утра.

Сначала наш самолет почти час не мог вылететь с Мальты, каждые десять минут преувеличенно бодрый голос пилота возникал в притихшем салоне и зачем-то делился с пассажирами все новыми и новыми подробностями возникших проблем. По прибытии же в Пулково выяснилось, что мой багаж закатил истерику во время регистрации и был высажен с рейса или — говоря суконным языком распечатанного в двух экземплярах заявления — утерян. Впрочем, заявлением дело не ограничилось, пришлось заполнять бесконечные бланки и описи под присмотром скорбящего вместе со мной представителя авиакомпании. И все это лишь для того, чтобы спустя сорок минут я шагнул в международный терминал Пулково ходячей иллюстрацией человека не от мира сего: телефон, ноутбук и дурацкая растерянная улыбка. И вот теперь я сидел напротив Хуторянского, многозначительного, одутловатого и мутного, который, позабыв про сестру таланта, растягивал наш с ним разговор до звенящих в ушах нехороших предчувствий. Многословное искусство ходить вокруг да около было сдобрено неплохим французским коньяком, которым худрук

угощал посетителей в это время суток, но вместо привычного тепла каждый новый глоток почему-то отдавался во мне мурашками и ознобом. Приняв очередную порцию коньяка и высокохудожественного режиссерского слово-блудия, я начал уже было размышлять над тем, сможет ли запущенный в стену бокал заставить заслуженного деятеля искусств перейти наконец к делу, как вдруг дверь в кабинет открылась и на пороге возникла величественная фигура Оксаны Кочубеевой. Ведущая актриса театра посмотрела на меня, на Хуторянского, покачала головой и, не извинившись, вышла из кабинета. И тут худрук стал вдруг лаконичным и болезненно прямолинейным:

— Ты извини меня, Никита, но пьеса твоя новая, — Хуторянский сделал нарочито драматизирующую паузу. — Пьеса твоя новая — говно.

Заныл шрам на шее под воротом свитера, пропал рукоплещущий зрительный зал вместе с низвергающимися на сцену потоками тепла, и я провалился, рухнул сквозь прогнившие театральные подмостки в скучную, ничем не примечательную жизнь среднестатистического человека. И уже оттуда, из выгребной ямы несбывшихся надежд и разрушенных наполеоновских планов, дослушивал не-обязательные объяснения худрука.

— Видишь ли, Никит, твоя первая пьеса так прогремела, что мы просто не имеем права обмануть ожидания зрителей. Да, публика, безусловно, повалит сейчас на любой спектакль с твоим именем на афише. Но новая пьеса у тебя откровенно не получилась, и лучше ее вообще не показывать — ты же не хочешь поставить крест на своей дальнейшей карьере, правда?

Хуторянский выжидающе замолчал, словно действительно ожидал от меня ответа. Словно, скажи я: «Да, именно этого я и хочу, Константин Николаевич, я хочу поставить большой жирный крест на своей карьере», он тотчас, без промедления приступил бы к постановке моей новой пьесы.

— И если честно, мне кажется, что ты чересчур торопишься. Загоняешь себя. Творец должен иметь возможность выдохнуть. Возможность сделать паузу. Я бы на твоём месте вообще прекратил на какое-то время писать. Занялся бы чем-нибудь совершенно другим, — худрук помедлил на мгновение, будто оценивал, достаточно ли уже сказанного. — Влюбился бы, наконец.

Ага, влюбишься тут с тобой... А про гонорар, я так понимаю, можно даже не заикаться — как бы меня вообще не заставили теперь аванс возвращать. Бедный Гришаня, сколько там я ему уже должен? Так недолго и по миру брата пустить.

Сидящий в стилизованном под трон кресле Хуторянский внимательно наблюдал за моей анемичной реакцией, его лицо покраснело, но не равномерно, а какими-то пятнами, пунцовый чередовался с бледно-розовым, словно сочувствие к промахнувшемуся начинающему драматургу боролось в нём с монументальностью театрального титана.

— И помани мое слово, Никита, когда-нибудь ты сам поймешь, насколько несовершенна эта твоя новая пьеса. Когда-нибудь ты еще скажешь мне спасибо...

— Зачем же тянуть, Константин Николаевич? — сказал я, поднимаясь на окоченевшие ватные ноги. — Спасибо я и так могу вам сказать. Прямо сейчас. Жаль только,

что чемодан мой мальтийцы похерили, а то бы презентовал вам средиземноморской халвы из молотого миндаля. Что-бы в следующий раз у вас было чем подсластить пилюлю начинающему автору. Или нет, извиняюсь, не пилюлю, а — как вы там выразились? — говно.

Подготовка к вечернему представлению уже проступила испариной на бугристой лысине помрежа, он методично отлавливал снующих по этажу людей и короткими емкими фразами уточнял траектории их движения. Театральный механизм поскрипывал и вздыхал, то жалуясь на болезнь актеров из основного состава, то сетуя на непредвиденную поломку декораций и перегоревшие прожектора, но все, включая обитавшую в темном и пыльном закулисье кошку, прекрасно знали, что представление состоится при любом раскладе: билеты на сегодняшний спектакль были распроданы еще две недели назад.

Я наблюдал за происходящим, сидя на широком, со следами признаний в любви и просроченных сплетен подоконнике, — посторонний, обманом проникший в святая святых профессионального лицедейства. Вуайерист-неудачник, вместо возбуждения способный испытывать сейчас только стыд и дезориентацию в пространстве обесцеленной жизни. Время от времени театральная суета сгущалась знакомыми лицами, люди подходили ко мне, здоровались, хлопали по плечу, удивлялись моему загару, и это почему-то еще сильнее оттеняло мое недавнее фиаско в кабинете худрука.

Наконец уровень дофамина упал до минимума, маятник качнулся в обратную сторону, и я написал бесцветными чернилами из желчи и слез прямо на подоконнике: «Я, Ни-

кита Дашкевич, обманом втерся в доверие к художественному руководителю театра и под видом актуальной современной пьесы пытался протащить на легендарную сцену мутное унылое говно. Число, подпись». Затем мысленно поджег кабинет худрука вместе с его семидесятилетним обитателем, спрыгнул с подоконника и отправился искать Кристину.

В примерке Кристины не оказалось, в реквизитной — тоже, я уже достал было телефон, но передумал — пусть себе вживается в образ и ни о чем не волнуется: что-что, а плохие новости не прокиснут. Я прошел по коридору к выходу из здания и у самой лестницы опять наткнулся на Кочубееву. Оксана была уже загримирована для вечернего представления, от ее полного округлого лица с открытым лбом и зачесанными назад волосами исходило спокойное ровное тепло. Я непроизвольно замедлил шаг, прислушиваясь к незнакомым ноткам ее обволакивающих разогретых потоков.

— Привет, Оксана. Затянулась моя рана.

— Привет, — Оксана улыбнулась одними уголками губ, как показалось, немного встревоженно. — Ты чего такой довольный?

— Ну а как же? Как и всякий, кого поимел художественный руководитель нашего замечательного театра, испытываю сложный букет самых разнообразных чувств, среди которых — не скрою — есть место и удовольствию. А ты чего такая красивая?

— Только заметил?

— Да брось ты, я уже который год по тебе сохну. Кристину видела?

— Нет.

— Врешь?

Оксана пожала плечами, откинула за спину толстую рекевизитную косу. Я снова почувствовал что-то новое в ее облике, что-то такое, чего в ней не было, когда я видел ее в последний раз, за пару дней до отъезда на Мальту.

— То есть все-таки врешь?

Оксана хотела было что-то сказать, но я сделал быстрый шаг вперед, подойдя к ней вплотную, совсем как тогда, после премьеры моей пьесы, в которой она сыграла главную женскую роль. Не знаю, что со мной в тот момент случилось, постпремьерная эйфория и слепящее счастье не позволяют полностью восстановить события того дня, но только вместо дружеского объятия-поздравления за кулисами я вдруг прижал ее к себе и поцеловал. Она ответила на поцелуй, ее губы оказались требовательными и солоноватыми на вкус, но продолжения не последовало, Оксана оттолкнула меня и ушла, а я...

А я понял наконец, что же нового появилось в ней за те два с половиной месяца, что я ее не видел: разлитое под кожей сладковатое топленое молоко.

Я резко отступил назад, посмотрел на ее растерянное лицо и сказал:

— Гложет меня обида, пожалела мне Оксана либидо.

Поздно вечером, после спектакля ко мне приехала Кристина. Впорхнула в квартиру, стремительно провальсировала по ней, словно позабыла оставить в гримерке свой искрящийся сценический образ. С порога завалила меня вопросами: почему я не отыскал ее сегодня в театре, почему не позвонил (отличный загар, я тоже такой хочу), со-

скучился ли я по ней, что с моей новой пьесой, поставил ли уже Хуторянский мой спектакль в план... Но я отказался с ней разговаривать. Наотрез. Вместо этого я впился в ее нетерпеливый рот и не позволил ей сказать ни слова, пока не раздел.

Когда все закончилось, дважды закончилось — я совершенно забыл, какой эффект производит на меня поперечный шпагат в исполнении обнаженной балерины, — мы долго лежали обнявшись, и тепло Кристины, густое и вязкое, постепенно расходилось по моему благодарному телу. Начавшийся за три тысячи километров отсюда день потихоньку подбирался к финалу, и прижавшееся ко мне хрупкое и горячее тело Кристины растопило последние воспоминания о происшедшем в кабинете худрука. На сегодня мне оставалось совсем немного — просто заснуть, но именно это у меня не получилось.

— Ник? — Кристина приподнялась на локте, потрепала меня по волосам. — А, Ник?

Я сделал вид, что сплю.

— Ник, что сказал Хутор? Ник?

— Кристин, давай уже завтра, — я все еще лежал с закрытыми глазами, надеясь отсрочить разговор до утра. — У меня сегодня был такой день — длинный-длинный-преддлинный...

— Ну почему завтра-то, Ник? Это же самое важное, — Кристина резко отстранилась, встала, и мне пришлось открыть глаза.

— Ну хорошо, не самое, — поправилась Кристина, поймав мой взгляд. — Но все равно, это нас обоих с тобой касается. Разве нет?

Она принялась расхаживать по комнате, между делом пытаясь отыскать свои трусы и бюстгальтер, я же смотрел на ее маленькую грудь и безупречные точеные ноги и размышлял о том, как бы побыстрее затащить ее обратно в постель. Так и не найдя белья, Кристина встала прямо передо мной и сложила руки на груди:

— Так что сказал Хутор? Когда запланирована премьера?

— Послушай, Кристин, давно хотел тебя спросит: зачем ты продолжаешь брить лобок? Ты же больше не танцуешь в кордебалете...

Я встретился взглядом с Кристиной и сел на кровати.

— О'кей, о'кей. Мне просто не слишком приятно вспоминать сегодняшний разговор с худруком, только и всего.

— Почему неприятно? Что-то случилось?

— Да нет, ничего. Никто не умер. Я живой, ты живая. Даже Хуторянский — и тот живой. Только вдумайся — ему уже семьдесят лет, а он все как огурчик...

— Ник, что сказал Хутор?

— Хутор сказал: говно.

— В смысле?

— В прямом. Сказал, что пьеса моя новая — говно. И что ставить ее театр не будет.

Кристина присела на краешек кровати.

— Подожди, это он про «Музыку»? Про тот вариант, что ты присылал мне с Мальты?

Я кивнул.

Кристина уставилась куда-то в пол, я терпеливо выждал пару минут, но она так и сидела, не шевелясь.

— Да ладно тебе, Крис, — я осторожно погладил ее по плечу. — Я что-нибудь новое напишу. Еще лучше. У меня

даже название уже есть: «Окалевала. Уфимский эпос». Как тебе?

Кристина повернулась ко мне, в ее глазах стояли слезы.

— Мне смеяться сейчас, да? Это все шуточки, по-твоему?

Она вскочила, размазала слезы по щекам, принялась натягивать на себя джинсы, прямо как была, без белья.

— Эгоист проклятый. Думаешь только о себе. Сначала трахнул меня, а потом про пьесу решил рассказать?

— О как. А я думал, мы оба тут трахались. А оказывается — я один. И знаешь, может это покажется тебе странным, но я тоже расстроен. Это, между прочим, моя пьеса, я над ней три месяца сидел...

— Наша. Наша пьеса, — Кристина всхлипнула, ее пальцы тряслись, она бросила бороться с пуговицами на блузке, подняла на меня заплаканное лицо: — Мне уже двадцать семь скоро. Двадцать семь! А у меня ни одной главной роли, так и сижу на всяких подпевках с подтанцовками. Единственный реальный шанс был с этой пьесой, и то ты умудрился все просрать.

Уже одетая, она сделала еще одну попытку отыскать бюстгальтер и трусы, не отыскала, сердито прошагала через всю квартиру к выходу. Щелкнул замок, Кристина обернулась на пороге, посмотрела на меня с презрением, чуть ли не с брезгливостью:

— И знаешь, Хутор совершенно прав. Пьеса твоя новая — говно.

ОНА

Апрель мужского рода, а весна — женского. Вот и вся загадка. Он думает, что возьмет ее напором. Думает, что продемонстрирует ей свое аномальное тепло и дело сделано. Как бы не так. Что бы он там про себя ни думал, ей все равно. Она его не хочет. Ни его, ни остальных его одиннадцать братьев. К тому же в этом году апрель слишком уж спешит. Чересчур торопится. А потому вообще рискует закончиться раньше срока. Рискует не дотянуть до мая. Обернуться умиротворяющей утренней изморозью на тротуарах.

Интересно, как так получилось — что ни месяц, все он и он? И только время года — это женщина. Ну разве что кроме лета. Но лично я предпочла бы обойтись без лета. Совсем.

Машина намертво встала в пробке на Тучковом мосту. Аэродинамически выгнутые стальные поверхности, примитивный плиточный орнамент. Если смотреть сверху. В салоне чуть слышно работал климат-контроль, но сегодня этого оказалось недостаточно. Торопливый, словно подросток, апрель все-таки вынудил меня реагировать. Я поставила сумку на колени и достала солнцезащитные очки.

Раньше было проще. Раньше лобовое стекло тоже было тонировано. И я знать не знала всех этих мудаков по име-

нам — апрель, май, июнь... Кому они вообще интересны? Но пару месяцев назад меня остановил патруль ГИБДД. Нарочито суровый, на грани своих полномочий инспектор замерил уровень светопропускания. Затем выписал штраф и принялся скручивать номера с машины. Я стояла рядом и мешала. Альтернативный визуальный центр, безупречные длинные ноги в телесного цвета колготках. Шли минуты, а он все никак не мог попасть отверткой в нужное место на пластине номерного знака. Наконец я отошла в сторону. Достала телефон и позвонила нашим юристам. И Руслану. После чего вызвала такси. Пусть скручивает. Машина все равно принадлежит бюро, юридический отдел разберется.

Номера мне, конечно, вернули. Но тонировку с лобового стекла пришлось снять. Осталась только узкая полоса сверху. Четырнадцать сантиметров шириной, все по закону. Четырнадцать сантиметров, золотое сечение ГИБДД.

В холле бизнес-центра было прохладно. И здесь совсем не чувствовался апрель. Я с облегчением сняла очки, машинально оценила окружавшее меня пространство. Равновесие было сбито. Едва заметно, но все-таки смещено: слишком мало людей в дальнем конце холла, за турникетамми. Так всегда бывает, когда с первого этажа только-только ушел лифт.

Поднявшись в бюро, я миновала белую, имитирующую ледяной кристалл стойку со светодиодной подсветкой. Кивнула сидевшей на ресепшен Саше и прошла в приемную.

Вероника была уже на месте. Ожидаемо. Руслана нет, дверь в его кабинет приоткрыта. Тоже ожидаемо. Понедельник не предвещал сюрпризов. Уже неплохо.

Я взяла со стола Вероники список звонивших мне людей. И еще один лист — сегодняшние встречи. И через час, ровно в 11:30 уже сидела в переговорной, отделенной от окружающего пространства тремя стеклянными стенами.

Пять проектов — пять презентаций. Ничего сверхординарного, обычная рутина. Рабочие моменты. Текущее состояние дел. Все проекты были в стадии реализации. Это взлет и посадка требуют ручного управления. Но как только набор высоты завершен, можно включать автопилот. И лишь время от времени бросать взгляд на показания приборов. Чем я сейчас и занималась.

В самом конце совещания неожиданно возникли проблемы с проектом Ксении. За выходные она внесла изменения в уже утвержденную декоративную схему. И теперь пыталась заручиться одобрением руководства и коллег.

Сидящие внутри стеклянного куба переговорной молча рассматривали отрендеренные изображения апартаментов, над отделкой которых работала Ксения. Стены гостиной лишились воздушной геометрии и строгой прямолинейной перспективы. Они выглядели теперь изогнуто-волнообразными. И к тому же обзавелись растительным орнаментом из удлинённых лепестков. Еще Ксения что-то сделала с колористической схемой, только я пока не понимала что.

— Ну как? — Ксения обвела присутствующих взглядом победителя, ее глаза светились гордостью.

Все продолжали молчать. Иван, менеджер проекта Ксении, озадаченно потирал шею.

— А можно показать предыдущий вариант? — попросила я. — Тот, что был до этих изменений.

Ксения щелкнула длинным пальцем с матово-красным ногтем по клавиатуре и на двухметровом экране для презентаций возник узнаваемый, геометрически выверенный дизайн R.Vau. Что же она все-таки сделала с цветом?

— Давайте я резюмирую. Главное отличие — параметрические стены и орнамент. Так?

— Ну в общих чертах, да, — кивнула Ксения.

— Во-первых. И это самое простое. Орнамент нужно убрать.

Ксения открыла было рот, но я ее остановила.

— Это будет обсуждаться, только если кто-нибудь из присутствующих сможет сказать, когда в дизайне R.Vau использовался орнамент. Тем более с такими вот лепестками.

Катя Лайтунен улыбнулась, остальные ведущие дизайнеры и архитекторы покачали головами. Менеджеры проектов, как и полагалось, держали паузу. Концептуальные вопросы дизайна находились вне их компетенции.

— Кроме того, орнамент в данном конкретном случае является еще и грубой стилистической ошибкой. Абстрактный геометрический рисунок, который был использован для пола, делает его активным. Поэтому стены и потолок просто обязаны быть нейтрально-спокойными, что исключает использование орнамента.

Ксения молчала. Было видно, что она лихорадочно пытается выстроить контраргументы.

— Давайте еще раз посмотрим на ваш вариант, — попросила я, и Ксения послушно щелкнула по клавиатуре. — Теперь, если вы мысленно уберете орнамент и вернете на место старую декоративную схему, то сразу увидите, насколько нелепо смотрится здесь эта параметрическая стена.

Наступила пауза. Ксения, а с ней и все остальные сосредоточенно продельвали в уме манипуляции с геометрией пространства.

— Если для вас это слишком сложно, откройте проект в «Тридэмаксе» и проведите эти изменения прямо на экране.

— Мне не сложно, — насупилась Ксения.

— Ну так что? Вы не согласны?

Ксения молча смотрела на экран. Наконец она произнесла:

— С орнаментом все прекрасно работало.

— Я с этим и не спору. Но про орнамент я вам все уже сказала.

Ксения поджала губы.

— И еще. Мне кажется, здесь еще что-то поменялось. Помещение как будто уменьшилось в размерах, — я в задумчивости вернулась к изображению на экране.

— Цвет, — подала голос Катя Лайтунен, — Ксения изменила колористическую схему.

Катя развернулась к экрану, демонстрируя безупречно ровное каре.

— Изначально холодный голубой цвет Ксения смешала с теплыми бежевыми и желтыми оттенками. А поскольку потолки здесь довольно низкие, использование теплого цвета привело к иллюзии уменьшения пространства.

Люди за столом согласно закивали. Я тоже кивнула, в вопросах цвета я всегда полагалась на своего лучшего дизайнера.

— И вы считаете, что это нормально? — вдруг сказала Ксения.

Присутствующие в переговорной разом притихли.

— Что нормально, Ксюш?

— Никаких экспериментов, никакой новизны, никакой свободы творчества? Ничего свежего?

— Ну орнамент, положим, не является свежим решением уже несколько столетий. А по поводу экспериментов — да, вы совершенно правы. И мне жаль, если вы до сих пор не поняли одну очень простую вещь: бюро не место для экспериментов. Хотите экспериментировать, занимайтесь этим в свободное от работы время, в своих персональных проектах. А у R.Vau есть собственный, выработанный годами стиль. Стиль, который знают. И за которым заказчики, собственно, и приходят в наше бюро. Поэтому моя работа, помимо всего прочего, заключается в том, чтобы по возможности держаться в рамках этого стиля.

Вздрыгнул и завибрировал лежащий на столе телефон. Я взглянула на экран и поднялась.

— То есть вы даже мысли не допускаете, что дизайн Руслана Константиновича может устареть? — не унималась Ксения. — Что он может взять и потерять актуальность?

— Хотите обсудить это непосредственно с Русланом Константиновичем? — я продемонстрировала Ксении экран звонящего телефона. — Нет? Я почему-то так и думала.

Мы договорились встретиться в ресторане. Руслан сказал, есть разговор.

Была мысль взять такси. Но в салоне чужого автомобиля сегодня наверняка будет слишком жарко и душно. Плюс неизбежные запахи. Так что я поехала на своей машине. Хоть и пришлось потратить на поиск парковки пятнадцать минут. Зато я в который раз убедилась в неизменности

свойств Большого проспекта и окрестностей: продолжительность обеда равна удвоенному времени, потраченному на парковку. Я называю это Петроградской пропорцией.

Парковку я, кстати, так и не нашла. Так что машину пришлось поставить вторым рядом прямо на Большом, напротив ресторана. Если ее начнут эвакуировать, я услышу. Очень уж не хотелось блуждать по узким, перпендикулярным Большому проспекту улицам. Последовательность которых я так и не смогла запомнить, как ни пыталась. Четыре фамилии на букву П: Подрезов, Подковыров, Полозов, Плуталов. И затесавшаяся между ними улица Бармалеева. Думаю, поляков совсем не обязательно было заводить в болото. Их можно было привести на Петроградский остров и здесь бросить.

Руслан сидел на втором этаже, за столиком у несущей стены, в которой зачем-то был пробит окулюс. Место было выбрано специально для меня: сюда совсем не проникало солнце.

Мы поздоровались.

— Отлично выглядишь, — сказал Руслан.

Я улыбнулась: знаю.

Мы заказали напитки. Я — апельсиновый сок со льдом. Руслан — бокал красного вина.

Я достала папку с документами на подпись генеральному директору. И пока Руслан занимался бумагами, сидела и рассматривала его. Все-таки стиль — очень тонкая вещь. Невесомая. И это никакие, конечно, не шмотки. Иначе все было бы слишком просто. Ведь даже вот этот вот светлый, нарочито помятый пиджак на Руслане. Надень его на кого-то другого — и эффект тотчас пропадет.

И вообще Руслан сегодня весь светился. И очень приятно светился. Ровно. Не ослепляя.

Наконец с документами было покончено. Руслан пригубил вина и перешел к делу.

Завтра вечером открытие выставки графического дизайнера в галерее его друзей. Будет фуршет, куча приглашенных, Руслан тоже обещал прийти. Еще месяц назад обещал, слово дал.

— Слово дизайнера? — уточнила я.

— Архитектора, — вернул мне усмешку Руслан.

В общем, он обязательно должен быть. Но он не может. Совсем.

— Жанн, выручишь меня, ладно? Нужно, чтобы от нашего бюро кто-то там появился, не хочется Богданова обижать. А тебе он будет только рад. Между прочим, — Руслан наклонился ко мне и заговорщически понизил голос, — он давно уже к тебе неравнодушен, сам мне говорил.

Я вспомнила этого Богданова и усмехнулась. Метр семьдесят, лиловый угреватый нос, живот и жирные волосы. И почти всегда две девицы из службы эскорта. Завидный кавалер.

— А сам-то ты чего? — я с удовольствием допила ставший ледяным сок: риторические вопросы — мой конек.

— Жанн, у меня дела. Срочные. Их нельзя отложить. Никак нельзя, понимаешь?

Я кивнула. И снова улыбнулась. Конечно, я понимаю. За четыре года работы с Русланом я хорошо его изучила. Мне достаточно было мельком взглянуть на его лицо. Он опять влюбился. Чего здесь непонятного? Я посмотрела на его покрытые аккуратной щетиной скулы и подбородок. Встрети-

лась с его просящим выжидающим взглядом. Породистый сильный зверь на задних лапах у моих ног. И вдруг почувствовала что-то вроде укола непонятно откуда взявшейся ревности. Даже непроизвольно выпрямила спину.

— Конечно, Руслан. Не вопрос. Сделай мне пару дополнительных приглашений. И закажи еще сока. Со льдом.

Назавтра пришлось уйти из офиса задолго до окончания рабочего дня. Нужно было заехать домой переодеться к выставке. Сменить строгий офисный костюм на шелковое коктейльное платье. И еще заскочить в салон. Сделать укладку. И маникюр.

Даша с Мариной радостно согласились составить мне компанию. Другого я от них и не ожидала. Они были моим тайным оружием. Навязчивых попыток озабоченных псевдоинтеллектуалов познакомиться все равно было не избежать. Но я предпочитала, чтобы под расслабленные разговоры о тенденциях в современном графическом дизайне они раздевали глазами моих подруг, а не меня. Тем более что те были совсем не против.

Фуршет был похож на десятки других. Богданов лично встречал гостей на входе в галерею. Сегодня он обошелся всего одной проституткой, зато очень красивой. После короткого разговора с организатором и переданных ему ритуальных извинений от Руслана я прошла по залам. В принципе, неплохо. Идеально белые стены и потолок. Нейтральный пол. Много света — несколько десятков галогеновых спотов. И все это для того, чтобы выделить висящие на стенах черные прямоугольники, на которых и располагались сами работы. Рекламные плакаты. Книжные

обложки. Логотипы. Даже несколько вычурных, с трудом читаемых шрифтов. Неплохо, да. Но в целом довольно скучно. Чересчур предсказуемо.

Я поправила на стене пару криво повешенных черных рамок. Сделала замечание официанту за нагревшееся шампанское. Тот попытался меня проигнорировать, и я спросила, как зовут распорядителя. Состоялась короткая бессловесная дуэль — одними глазами. «Сука», — думал, глядя на меня, официант. «Халдей-дегенерат», — ласково парировала я и коснулась локон над правым виском. Официант ушел и через пять минут принес мне бокал прекрасно охлажденного шампанского.

В одном из залов я с удивлением обнаружила стулья Egg. Похожие формой на яичную скорлупу, творения Арне Якобсена нежно-голубого цвета стояли в каждом углу. Очень опрометчивое решение, надо сказать. Потому что на их фоне совершенно не хотелось смотреть на какой-либо графический дизайн. Я подошла к одному из стульев. И попыталась ущипнуть обивку. Но не смогла — стулья были настоящие. А вообще забавно было бы поймать Богданова на китайской реплике. Я наклонилась, коричневый ярлычок тоже был на месте. Republic of Fritz Hansen. Все-таки не зря я сегодня пришла на эту выставку.

Даша с Мариной были нарасхват. У обеих художественное образование. С Мариной я вообще училась в одной группе в университете. Правда, их работа не имеет никакого отношения к архитектуре и дизайну. А потому подруги используют любую возможность, чтобы «окунуться в среду».

К тому же сегодня они обошлись без самодеятельности в макияже и выглядели почти на пределе своих возмож-

ностей: в салоне неплохо знали свое дело. Впрочем, у Марины лицо красивое и само по себе. Чего не скажешь про чересчур вытянутую, по-мальчишески худую фигуру, недостатки которой она так и не научилась скрывать. А вот в то, что привлекательность со склонной к полноте, невысокой Даши снимается всего за пять минут с помощью ватных дисков и лосьона, временами даже мне трудно было поверить.

Подруги мастерски замыкали на себя летящие в мою сторону похотливые взгляды. Сегодня их было как-то особенно много. Весна, наверное. Чертов апрель.

Как всегда, среди приглашенных отыскалось несколько клиентов R.Van. Дольше всего мне пришлось общаться с Александром Грановским. Полгода назад мы делали ему дизайн двухуровневого пентхауса на Крестовском.

Банковский бизнес Грановского процветал, и на этом основании он всерьез полагал, что является интересным собеседником. Я же смотрела на его непримечательное, слегка вытянутое лицо. Из тех, что забываешь сразу же, как отводишь взгляд в сторону. На короткие жесткие волосы с проблеском рано проступившей седины. И терпеливо ждала подходящего момента.

Наконец к нам подошла улыбающаяся довольная Даша. И я с облегчением сдала ей Грановского. А сама незаметно ретировалась.

Через час мне наскучило наблюдать за подругами и их флиртом. Слишком уж все это предсказуемо. Подогреваемое шампанским гормональное давление. Недвусмысленные интонации с претензией на что-то большее. Две перпендикулярные прямые всегда пересекаются, тоже мне откровение.

Я ушла в самый дальний зал анфилады. Здесь был приглушен свет, на стенах висело несколько раритетных плакатов. Стояли диван и круглый фуршетный столик с закусками. Я поставила бокал, опустилась на диван. Мягко гудел кондиционер, укутывая мои плечи заботливой прохладой. Я помассировала переносицу. С облегчением откинулась на мягкую спинку. Машинально достала зеркалаще: все в порядке.

И тут в помещении появился он.

Без интереса посмотрел на плакаты на стенах. Прдемонстрировал аккуратно подстриженный затылок. Безупречный дорогой костюм. Неброские наручные часы. Стоимостью больше, чем такси бизнес-класса, что привезло меня сюда.

Я внутренне подобралась.

Человек повернул голову в мою сторону. Сделал несколько шагов. Еще немного, и я увижу его взгляд. Что бы ни придумывали одноклеточные, в их глазах всегда плещется похоть. Всегда. Пусть даже совсем немного. На самом дне.

Но иногда, очень редко, я вижу вот это. Полностью выключенное нутро. На тебя смотрят, словно ты даже не вещь, нет. Ты трофей, добыча. При этом совершенно неприкасаемая. Для кого-то намного более сильного. Для кого-то могущественного настолько, что ему по карману нанимать таких вот цепных псов. У которых нет своего «я», они умеют его выключать. Абсолютная преданность. Редчайшее в наше время свойство. Я с трудом отвела глаза.

— Жанна Юрьевна? — мужчина остановился напротив меня.

— Допустим.

— Я присяду?

Не дождавшись ответа, человек опустился рядом со мной на диван. Какой все-таки хрупкий этот мир. Нашелся кто-то, кто не посмотрел на твою грудь, и все.

— Меня зовут Станислав. Я надеялся увидеть здесь Руслана Константиновича.

— Вы договаривались о встрече?

— Нет, но я был уверен, что он появится сегодня на выставке. Мне необходимо поговорить с ним об одном деле.

— Деле?

— Да, — сухо отчеканил Станислав. — О заказе.

— О заказе? — я почувствовала разочарование.

— Об одном очень крупном заказе. Который не может его не заинтересовать.

И тут я едва не рассмеялась. Лишь в последний момент остановила поднимающуюся изнутри упругую пузырящуюся волну. Наверное, это шампанское.

— Звоните в бюро, договаривайтесь о встрече, — я поднялась и наконец заставила себя посмотреть на незнакомца.

При взгляде сверху было видно, что волосы на его голове заметно поредели. Невыгодный ракурс. Станислав торопливо встал с дивана. Наверное, был прекрасно об этом осведомлен.

— Я бы позвонил. Но у вас, говорят, лист ожидания на два года вперед, — сказал мужчина и отработанным элегантным движением протянул мне визитку.

— Знаете, люди много чего говорят. И вы совсем не похожи на человека, который верит всему подряд.

Я обворожительно улыбнулась. Два года — это только для тех, кого мы знаем, крутой. А для козлов вроде тебя оче-

редь и через двадцать лет не подойдет. С Русланом ему надо встретиться, молодец какой. Я определенно была разочарована.

Я взглянула на визитку: какой-то Вальдемар Котомин, яхт-клуб в качестве адреса и прямой городской номер мобильного.

— Вы же сказали, что вы Станислав.

— Это визитка человека, которого я представляю.

— Понятно.

Я повернулась и направилась к выходу. Какой все-таки дискомфорт — знать, что кто-то стоит у тебя за спиной и не смотрит ни на твою попу, ни на ноги. Фу.

В соседнем зале я увидела пьяную Марину, возле которой увивался некрасивый стареющий мужчина в голубом пиджаке. Даши нигде не было видно. Наверное, кто-то ее уже увез. Загадка, которую я пока так и не смогла решить: Марина красивее, но Даша удачливей.

Я попрощалась с Богдановым и вышла из галереи на прохладную вечернюю улицу. Возле входа стояла футуристического вида урна-пепельница из хромированной стали. Я разорвала визитку и выбросила ее в урну.

В этом году акклиматизация оказалась безболезненной, контраст с Мальтой практически не ощущался, и пусть я все еще не выходил из дома без верхней одежды, накинутая сейчас на плечи куртка не столько грела, сколько служила необязательной страховкой от внезапных перемен в погоде. Вот уже четвертый год подряд я убирался из города — не дожидаясь крещенских морозов — на самые холодные зимние месяцы, но только в этот раз было ощущение, что мне удалось прыгнуть из середины января напрямик в эпицентр лета. Я жадно вдыхал теплый воздух, разбавленный запахом оживающего после спячки города, прикасался ладонями к шершавому камню не прогретых еще до конца фасадов. Снова и снова удивлялся интенсивности молодого апрельского солнца, прислушивался — затаив дыхание, чуть ли не по-воровски — к движению соков в многочисленных в этой части города деревьях. Временами мне даже казалось, что я действительно могу ощутить, как поднимается вверх разогретая сладковатая жидкость — от самых корней через ствол к голым ветвям и дальше, к еще не проснувшимся почкам, к упругим зародышам клейкой листвы.

После разговора с художественным руководителем театра прошло три дня, а мое самолюбие так и не залечило до конца порезы и ссадины. Наоборот — мне постоянно открывались все новые и новые последствия, как будто чертов кристалл моего фиаско бешено вращался в лучах закатившейся славы, отражаясь во мне неведомыми доселе гранями. Кристина мне больше не звонила и даже хуже — перестала отвечать на сообщения. Так что привезенный для нее с Мальты подарок — небольшая ваза из дымчатого синего стекла, возвращенная мне авиакомпанией вместе с остальным багажом, пылилась теперь на письменном столе грустным памятником ушедшей в ночь балерине. Туда же рисковала отправиться и моя кредитная история: невыплаченный гонорар за пьесу обрушил мои акции и долговые расписки, и если бы не Гриша, мне наверняка пришлось бы пойти по миру, читай — просить денег у родителей. Нет, глобально все было не так уж и плохо, в перспективе я был богат, оглушительно богат; моя заявка на телесериал — восемь сорокаминутных серий — проходила сейчас последние согласования в продюсерской компании. Плюс мне что-то полагалось за первую пьесу, она все еще шла в театре, хоть и довольно редко. Но вот прямо сейчас мне пришлось звонить Грише и вновь обманывать его ожидания, как, впрочем, и не оправдывать свои: он думал, я верну ему деньги, я же рассчитывал залезть в братскую долговую яму еще глубже, но ничему этому не суждено было сбыться. Гриша не получил от меня ни рубля, но и я не увидел от него ни копейки — все, на что он согласился, это сделать минимальный платеж по моей обнуленной пребыванием на Мальте кредитке, а вместо денег в долг брат предложил мне работу.

«Один мой приятель», — сказал Гриша. Это, кстати, самая частая фраза, которую он произносит: у меня есть знакомый, один мой приятель, мне тут один человек говорил. В общем, у него есть знакомый, инженер в компании «Цельсиус», и там только что открылась вакансия. «Компания занимается поставками отопительного оборудования, — сказал Гриша и, увидев выражение моего лица, уточнил: — Но вакансия у них в отделе продаж». Типа слишком кисло? Ну тогда давай поперчим. «Это быстрые деньги, что ты так на меня смотришь? Прямые продажи. Тебе дают список контактов, ты его обзваниваешь, назначаешь встречи и заключаешь контракты. Потом забираешь свои три процента с оборота, и все. И не волнуйся, никто не пытается обманом заставить тебя работать по специальности, хотя отец был бы счастлив».

Отец, отец... Мне захотелось встать и уйти. Но я остался, решив проявить свою принципиальность как-нибудь в другой раз и где-нибудь в другом месте.

«А то, что у тебя опыта продаж нет, — фигня, — продолжал Гриша. — Зато есть профильное для компании “Цельсиус” образование. И опыт на телефоне в кол-центре. Так что ты просто идеальный кандидат. Я б тебя взял». Я посмотрел на Гришу, на его безупречный костюм топ-менеджера энергетической компании, на свое вполне узнаваемое, хоть и генетически преломленное в брате лицо и сказал спасибо. Он действительно несколько раз пытался меня «взять», устроить непутевого брата к себе в контору, но с годами у меня развилось почти волчье чутье на сепаратные семейные сговоры за моей спиной. Так что брат оставил эти свои попытки, по крайней мере на какое-то время, и за это я тоже был ему благодарен.

Собеседование было назначено на три часа дня.

Петроградская сторона, петляя и путаясь, шаг за шагом подводила меня к одному из своих бизнес-центров, исподволь обращая беглого мальтийского солнцепоклонника в ортодоксального патриота лучшего города на Земле. Наконец я увидел нужное мне здание — облицованный белой плиткой фасад, из углов которого выпирала бликующая на солнце стеклянная коробка, словно отделочный материал закончился в самый неподходящий момент, а денег на новую партию так и не нашли — смешно, если все так и было на самом деле.

Я вошел в вестибюль, получил временный пропуск и, пройдя через турникеты, оказался среди ожидающих лифта работников офисного труда. Низкие и высокие, толстые и худые, молодые и пожившие — все это словно было стерто с людей безжалостным корпоративным ластиком. А дресскод завершал тоскливую картину, лишая офисных невольников остатков индивидуальности и свободы.

Отличное начало, ничего не скажешь — я даже не добрался еще до компании «Цельсиус», а меня уже ощутимо подташнивало: только сейчас, оказавшись внутри бизнес-центра, я вдруг с тоской осознал, на что собираюсь подписаться. Наверное, следовало поискать какие-то альтернативные варианты, но как-то они не особо просматривались, вернее — не просматривались вообще, так что мне оставалось только надеяться, что это действительно «быстрые деньги», как обещал Гриша. В конце концов, подумалось мне, в отличие от окружавших меня пиджаков, жакетов и юбок меня здесь ничего не держит, совсем ничего, и, если захочу, я могу уйти отсюда в любой момент. Даже прямо

сейчас могу — мне нужно всего лишь развернуться, миновать просторный, красиво подсвеченный вестибюль и шагнуть в опьяневший от солнца и избытка градусов Цельсия апрель. Эта мысль неожиданно меня успокоила, я перестал крутить головой и прислушиваться к отдающим мертвечиной канцелярита обмылкам окружавших меня разговоров.

Наконец приехал лифт, послышалась негромкая мелодичная трель, и в этот момент резко, без предупреждения распахнулась дверь в обморочный, хрустящий снегом январь. Нечеловеческий, невозможный холод коснулся моего лица, проник в меня сквозь одежду, дыхание оборвалось на полувдохе, заняли шея и плечи: она вышла из лифта прямо на меня. От всего огромного разноцветного мира в один миг осталось только лицо приближающейся ко мне девушки: безупречная белая кожа высоких скул и лба, холодные сине-зеленые глаза, плотно сжатые губы и взгляд — вымораживающий до самого дна и при этом смутно знакомый. Я так и не понял, каким образом мы не столкнулись, — она просто оказалась позади меня, словно бестелесный морозный призрак, и я, не отдавая себе отчета, механически, как истукан, повернулся и посмотрел ей вслед — воцеленные матовые икры длинных ног, изгиб бедер под темно-синей юбкой, подчеркнутая пиджаком талия, светлые волосы, шея... Господи — шея!

Спустя двадцать минут я сидел в офисе «Цельсиуса», в глухой, без единого окна переговорной комнате, напротив перебирающей какие-то бумажки комиссии. Большую часть этих двадцати минут я провел в мужском туалете, то отогревая оочеченвшие ладони под теплой водой, то оку-

ная их в гудящий реактивный поток горячего воздуха из электросушилки. Так что сейчас мои покрасневшие кисти ощутило саднило, но по крайней мере я избавился от онемения во всем теле — обычной реакции моего организма на внезапное и чересчур быстрое переохлаждение.

В комиссии было три человека, вернее два с половиной — невнятная брюнетка, представившаяся руководителем отдела маркетинга, была задвинута в дальний угол. Главными же здесь были Валерия Леонидовна, красиво стареющая директор по персоналу с замысловатой конусообразной конструкцией из волос, и собственно руководитель отдела продаж, назвавшийся Борисом Сергеевичем, — худой нервный мужчина под пятьдесят с преувеличенно длинными, словно бы ходульными, конечностями. Именно он вчитывался сейчас в мое резюме с таким видом, словно был очень близок к тому, чтобы понять наконец, в чем же здесь подвох.

— Ну хорошо, э-э-э... — Борис Сергеевич скосил глаза в бумаги на столе, — Никита. Давайте начнем. Почему мы? Почему вы? Почему мы должны взять именно вас? У вас три минуты.

Я посмотрел на худое и узкое, изможденное продажным лицом Бориса Сергеевича, встретился с чересчур пристальным взглядом директора по персоналу, затем повернулся назад и внимательно осмотрел стену переговорной у себя за спиной.

— В чем дело? — повысил голос Борис Сергеевич.

— Не, ни в чем. Извините. Просто я подумал — может, вы здесь сериал снимаете? Где-то я все это уже слышал.

Валерия Леонидовна рассмеялась.

— Шутим, значит? Ну-ну. Не слишком удачная линия поведения на собеседовании, — Борис Сергеевич взял со стола лист бумаги. — Хотя, судя по резюме, клоуном вы как раз не работали. Зато работали осветителем в театре, курьером, барменом, доставщиком пиццы, ночным продавцом, сотрудником кол-центра. Что-нибудь еще?

Я скорбно покачал головой: увы.

— Никита, — Валерия Леонидовна перехватила инициативу, ее голос оказался вкрадчивым и бархатистым, — Борис Сергеевич просто хочет понять, сможете ли вы справиться с работой в отделе продаж. Сегодня у нас еще пять кандидатов. И завтра семь. Так что вам нужно постараться нас убедить. Представьте, что мы ваши клиенты, которым вы должны что-нибудь продать.

— Что продать?

— Ну для начала — самого себя.

Я кивнул, взял лежащую рядом куртку, отыскал во внутреннем кармане синюю книжечку политеховского диплома и передал ее Борису Сергеевичу. Высшее образование по специальности «теплотехника» заставило того нахмуриться и еще раз перечитать мое резюме — клоуном я не работал, это он уже выяснил, а вот как насчет фокусника? Валерия Леонидовна вслед за руководителем отдела продаж заглянула в мой диплом, закрыла его и с интересом на меня посмотрела.

— Ну что же, неплохо. Очень неплохо. Профессионально донести до клиента особенности работы систем отопления вы, безусловно, сможете. Думаю, вы только что обошли большую часть конкурентов. Но, боюсь, этого может быть недостаточно. Нужно что-то еще.

— А еще, — я вернул ей заинтересованный взгляд, отметив про себя грудь и неплохо сохранившуюся фигуру (сколько ей может быть — сорок? за сорок?). — А еще у меня самая сильная мотивация, которая только бывает на свете.

— Да? И что же это, если не секрет? — спросила эйчар.

— Мне очень, очень нужны деньги.

Борис Сергеевич кашлянул, Валерия Леонидовна повернулась в его сторону, и он, наклонившись, что-то сказал ей на ухо.

— Ну что же, Никита, — Валерия Леонидовна поднялась и протянула мне руку. — Мне лично вы понравились. Мы с вами свяжемся.

Я тоже встал. Ладонь директора по персоналу оказалась мягкой и обволакивающе теплой, она улыбнулась и на пару лишних мгновений задержала мою руку в своей. Руководитель отдела продаж остался индифферентно сидеть, темноволосая женщина-маркетолог, не глядя, кивнула мне из своего угла.

Ага, свяжетесь вы со мной, кто бы сомневался... На секунду я снова увидел немигающие сине-зеленые глаза, услышал рев вьюги, заматающей следы здравого смысла и тревожную подслеповатую память, и мое обмороженное занывшее сердце тяжело ухнуло в низ живота.

Она здесь.

Она работает в этом здании, бывает здесь каждый день. Каждый день она паркуется перед бизнес-центром, здороваются с охранниками, заходит в лифт — каждый день. У нее в офисе наверняка промерзшие, покрытые инеем стены, она наверняка ездит на большой белой машине, а глав-

ное — она умеет превращать мужчин в ледяных истуканов одним своим взглядом. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. И даже не подозревал, что такое бывает.

— Послушайте, — проговорил я, обращаясь главным образом к Валерии Леонидовне, — я понимаю, что у вас регламент и так далее. Понимаю, что вам нужно посмотреть всех кандидатов и выбрать лучшего. Но что если вот он я, уже нашелся — самый лучший?

Все три члена комиссии уставились на меня, я же лихо радочно вспоминал, что мне вчера рассказывал про продажи Гриша.

— Просто испытайте меня. Прямо сейчас. Это ведь вас ни к чему не обязывает, — я перевел взгляд на Бориса Сергеевича. — Вот сколько ваши сотрудники делают звонков в день?

— По-разному, — руководитель отдела продаж даже немного раздулся от собственной важности. — В среднем от ста пятидесяти до двухсот.

— Борис Сергеевич! — эйчар покачала головой, ее высокая прическа опасно накренилась, но почти сразу опять обрела равновесие.

— Ну хорошо, хорошо, — вздохнул Борис Сергеевич, снова худея. — Семьдесят пять — сто.

— Вот и отлично. Просто дайте мне список из пятидесяти контактов, телефон и полчаса времени. Большого я не прошу.

И я посмотрел на Валерию Леонидовну, мысленно превращая свой взгляд в россыпь самых изысканных комплиментов ей и ее неотразимой прическе.

Через сорок минут и полсотни телефонных звонков я предъявил Борису Сергеевичу две назначенные встречи — одна завтра, другая на следующей неделе. Еще через десять минут комиссия, посоветовавшись, объявила мне, что я принят на двухмесячный испытательный срок. Валерия Леонидовна, покачивая бедрами, вышла из переговорной, напоследок многозначительно мне улыбнувшись. А мой свежееиспеченный начальник вяло пожал мне руку и выразил надежду, что мы сработаемся.

— Ну, это уж как картридж ляжет, — сказал я и, не дожидаясь, пока глаза руководителя отдела продаж станут как у персонажа аниме, поправился: — Я шучу, Борис Сергеевич. Конечно же, мы сработаемся. А как же иначе?

ОНА

Это не моя спальня. Я знаю это наверняка. У меня в спальне не может быть ионических колонн. Мне не нравятся колонны. Никогда не нравились. Колонны вообще. А тем более ионические. Я не перевариваю эти дурацкие капители в форме скрученной подушки. Хорошо хоть фриз совершенно гладкий. «Орнамент как преступление». Я напишу это несмываемым маркером на лбу любому, кто скажет, что это не так.

И все-таки это все мое. Несмотря на колонны. Несмотря на чудовищную архаику и помпезность. Потому что на всем вокруг лежит снег. Изморозь. Наледь, иней и наст. А главное — арктический холод. И этот холод постепенно проникает в меня. Прямо из воздуха. Растекается по венам снотворным умиротворением. Сердце замедляет ритм. Работает все медленней. Все медленней и медленней. Еще медленней. Еще.

Не о чем беспокоиться. Нечего ждать. Нечего бояться. Все неподвижно. Заморожено. Незыблемо. Неизменно.

Здесь всегда зима. Внутренняя, окаменелая, не подверженная колебаниям климата. С температурой, которая постоянно ниже нормы. Ниже нуля, ниже любых ожиданий,

предчувствий и разочарований. Именно поэтому мне здесь так хорошо. Так спокойно. И хорошо.

Я проснулась в семь утра. Светодиодная подсветка, спрятанная по периметру идеально ровного белого потолка, смягчала острые углы спальни. Белые стены. Белые — от потолка до пола — шторы. Белую, со сглаженными выступами мебель. Продуманно-рукотворный отголосок моих снежных снов.

В комнате не было часов. Но я точно знала: сейчас ровно семь. И еще я знала, что сегодня позволю себе десять лишних минут в постели. Такие сны приходили ко мне нечасто, и я хотела насладиться подзабытыми ощущениями. Казалось, ледяной покой все еще был осязаем. Он поселился в воздухе. Поселился во мне. Только что пережитый сон был еще здесь, у моего изголовья. И я совсем не хотела его отпускать.

Если бы только уметь вызывать эти сны...

Несколько месяцев назад я даже записалась на курсы медитации. Надеялась научиться сознательно входить в это состояние. Тайком, с черного хода. Занималась дыхательными упражнениями. Замирала на полчаса в одной позе. Фокусировала мысли на том, что видела в снах.

Все было тщетно. Стражей зимы было не обмануть. В обледенелую комнату с ионическими колоннами не было другого входа, кроме как через сон.

Я глубоко вздохнула и села на кровати. Опустила ступни на мягкий белый ковер. В сущности, даже моя привычка спать голой под тонким одеялом — не больше, чем напряженное ожидание этих снов. Боязнь ненароком отпугнуть от себя обледенелое сновидение.

Я встала, подошла к высокому — во весь рост — зеркалу. Внимательно осмотрела себя. С одной стороны, с другой. Грудь, живот, ноги, попа. В принципе — все неплохо. Ну может, только живот слегка уплотнился. Нужно будет поговорить с тренером. Надеюсь, что обойдусь без дополнительного дня в спортзале. Я и так хожу туда четыре раза в неделю. Хоть грудь у меня и не очень большая, без мышечного корсета все равно никуда.

Я положила обе руки себе на груди, приподняла их. Опустила. Как это, интересно, работает? Всегда хотелось понять. Даже не понять, нет — почувствовать. Увидеть то, что исходит от меня. Увидеть самой, а не по реакции на себя одноклеточных. Но пока я этого не поняла, приходится довольствоваться несколькими простыми правилами. Выделить, акцентировать грудь. Подчеркнуть одеждой разницу между талией и бедрами. Позаботиться, чтобы попа была хорошо очерчена. Убрать волосы на затылок, открыв шею.

Все.

Если после этого вы сможете спокойно пройти мимо меня — значит, вам надо к врачу. Или к молодому любовнику-педерасту.

А мне нужно в душ.

О Руслане ничего не было слышно больше недели. За время работы в бюро я была свидетелем, наверное, десятка его романов. А потому знала: волноваться не о чем. Все в пределах нормы. К тому же встреч, требующих присутствия гендиректора, в ближайшие дни не было. А оперативным управлением компанией Руслан все равно не за-

нимался. Этим занималась я. Однако, придя утром в офис и увидев на столе Вероники стопку требующих подписи гендиректора документов, я все-таки решила ему позвонить. И попросить хотя бы на полчаса заехать в R.Vau.

Я набрала номер Руслана и услышала механический женский голос: его телефон оказался выключен. Я подумала, отыскала в списке контактов еще один номер, который был только у самых близких ему людей: та же история. Я отложила телефон. В принципе, можно было придумать этому сколько угодно правдоподобных объяснений. Но в чем в чем, а в самоуспокоении я не нуждалась — я слишком хорошо знала, что все это значит.

Я вышла в приемную. Сказала Веронике, что не пойду сегодня обедать. Попросила заказать греческий салат и свежесжатый апельсиновый сок в офис. Подписала несколько счетов. И тут мой телефон зазвонил. Я посмотрела на экран, и у меня скрутило живот. Я торопливо вернулась в кабинет и плотно прикрыла за собой дверь.

Это, видимо, и есть равновесие. Баланс белого и черного. Утром — снежный завораживающий сон. Днем — куча проблем и черт знает еще что.

— Да, мам. Привет.

Она никогда не звонила просто так. Тем более в рабочее время. Сегодня мне только этого не хватало. На непослушных ногах я дошла до рабочего стола, опустилась в кресло перед большим «яблочным» монитором.

Мама начала говорить, и мне стало немного легче. На первый взгляд все казалось довольно безобидным. Но все равно нужно быть предельно аккуратной.

Очередная мамина подруга затеяла очередной большой ремонт. Наняла дизайн-студию. И даже внесла предоплату.

— Жаннуль, студия называется «Смирнов и пространство». Знаешь такую?

— Как, как называется? Извини, я не расслышала. Повтори, пожалуйста, еще раз, — сказала я в трубку, торопливо набирая название дизайн-студии в поисковике.

«Смирнов и пространство». Вот кто вообще обращается в студию с *таким* названием? Сайт, правда, у них есть. Уже неплохо.

Я быстро пролистала несколько законченных проектов. Лучше бы не было никакого сайта, честное слово...

— Студия «Смирнов и пространство». Жанн?

— Да, да, я поняла. «Смирнов и пространство». В принципе, я о них слышала.

— В принципе?

Я сделала глубокий вдох. Сейчас нужно быть осторожной. Максимально собранной. Если я не хочу, чтобы на меня повесили еще и квартиру маминой подруги.

— Да нет, все с ними в порядке. Немного эклектично, конечно, — я еще раз посмотрела на чудовищную полиуретановую лепнину, вездесущие розетки, орнамент из завитков, и мне стало стыдно, — но это как раз сейчас в тренде. Главное, не увлекаться. Без фанатизма.

— Ну слава богу, ты меня успокоила. А то Зинаида мне уже все мозги проела с этой своей дизайн-студией. Я предлагала ей, кстати, твое бюро, — сказала вдруг мама.

Повисла пауза.

— Мам, у нас очередь на два года вперед, ты же знаешь. И ценник совершенно заоблачный.

— Ценник, ценник... Ты что, для *своих* не сделала бы разве исключение?

Для *своих*? Я лихорадочно пыталась придумать, что мне на это ответить. И вдруг услышала в трубке стук и почти сразу звук открываемой двери.

— Да, да, заходите. Я уже освободилась.

Затем мама рассмеялась, сказала несколько фраз по-итальянски, и связь прервалась.

После совещания с ведущими я еще несколько раз набрала Руслана. Глухо.

Нужно было ехать. Теперь уже без вариантов.

В начале пятого я позвонила Евгении Михайловне, домработнице Руслана. Она едва не плакала.

— Вы не представляете, Жанна. Пришла сегодня убраться, а Руслан Константинович меня выгнал. И не просто выгнал — обматюгал да еще и ботинком в меня кинул.

Я не верила своим ушам. Это было слишком даже для Руслана.

— Он был пьян?

— Не то слово, Жанна.

Мы договорились встретиться через час.

Я собралась. Взяла документы на подпись. Веронике решила пока ничего не говорить. Не хотелось пугать ее раньше времени.

В холле бизнес-центра оказалось неожиданно многолюдно. Я посмотрела на часы — так и есть, я очутилась в эпицентре окончания рабочего дня. Мужские взгляды были повсюду. Нужно было, наверное, хотя бы макияж снять. Впрочем, грудь ведь все равно никуда не уберешь.

Так что мне оставалось только терпеть. Презрительно, но терпеть. Невозможно идти на каблуках с выпрямленной спиной и смотреть при этом в пол.

Я добралась до дома Руслана быстрее, чем рассчитывала. С трудом втиснулась между двумя внедорожниками у тротуара на Большой Конюшенной. И все десять минут, что я ждала появления Евгении Михайловны, рассматривала дом гендиректора.

Руслан, конечно, не промах. Живет в доме, построенном самим Лидвалем. Этот грубооколотый камень в сочетании с серовато-коричневой, почти оранжевой штукатуркой ни с чем не перепутать. Камнем отделан весь второй этаж и частично цоколь, в камень закованы основания трех эркеров. И даже под самой крышей проходит сплошной пояс из талькохлорита, намеренно уводя центр тяжести здания кверху. Угловой цилиндрический эркер с двойным куполом. Башня скандинавского замка в центре Петербурга. Неодинаковой формы окна, по-разному сгруппированные на каждом этаже. Северный модерн в дистиллированном виде. Какая-никакая, но все же компенсация. За то, что мне сейчас предстает.

Наконец появилась Евгения Михайловна. Она отдала мне комплект ключей от квартиры. Но подниматься наверх наотрез отказалась. Сумел все-таки Руслан довести и эту свою домработницу. И года не прошло. Жаль, другую такую он вряд ли найдет. Я только спросила, в котором часу она у него была. Евгения Михайловна сказала, что в полдень. На этом мы попрощались.

Я поднялась на третий этаж. Постояла, прислушиваясь, перед дверью. Несколько раз позвонила. И только после этого отыскала на связке нужный ключ и вошла в квартиру.

Тишина и кислый запах блевотины. У меня даже глаза защипало.

Прихожая отделана минималистскими панелями из черного дерева. Очень дорогими. Только для тех, кто в теме. Я положила ладонь на зеркально гладкую поверхность. Благородную и уютную одновременно. Шри-Ланка. Тропический лес. Многодневный ливень. Стопроцентная влажность. Я в теме.

Запах уже не казался таким пронзительным. Я прошла через затемненное помещение к его эпицентру. Приоткрыла дверь в спальню. Мягкий свет струился откуда-то из внутренностей многоуровневого потолка. Руслан лежал на огромной кровати, зарывшись лицом в подушки. Одетый, в джинсах и пиджаке. С одной туфлей. Ну что, уже неплохо. Похоже, что он вырубился сразу после того, как швырнул обувь в домработницу. Получается, пять часов сна.

Я открыла окно. Впустила в спальню звуки центра города. У кровати стояла полупустая бутылка виски «Blue Label». Еще одна опорожненная бутылка валялась на полу возле кровати. На противоположной стене — мокрое оплывшее пятно. Внизу под ним осколки стекла.

Я зашла в отделанную микроцементом ванную комнату с безрамными зеркалами, внимательно ее осмотрела. Чисто. Вернулась в спальню. Взяла бутылку с остатками виски. Прошла на кухню. Вернее, в огромную гостиную с кухонной нишей в стиле хай-тек. Простые и четкие гео-

метрические формы. Глянцевое покрытие, отсутствие выступающих деталей и ручек. Спрятанная от глаз бытовая техника. Рабочие поверхности из стали и алюминия. Плюс видимый лишь посвященным налет иронии — Руслан почти всегда питался вне дома.

Я вылила виски в раковину. Залезла в холодильник. Удовлетворенно кивнула, не обнаружив там спиртного. Достала телефон. Отыскала номер, который с удовольствием удалила бы раз и навсегда из списка контактов.

— Герман Николаевич? Жанна Борген. Да, снова Руслан. Сможете сейчас подъехать? Нет, нужно прямо сейчас — и чем раньше, тем лучше. Да хоть тройной тариф, вы же знаете. Спасибо.

Я вернулась в спальню. Не могло быть и речи, чтобы приводить сюда посторонних. Я вытащила из встроенного шкафа чистый комплект белья, одеяло, подушку. Застелила диван в кабинете. Подумала, уменьшила температуру кондиционера на пару градусов. И только после этого растолкала Руслана.

Он ничего не мог. Совсем ничего. Даже говорить. По стеночке я отвела его в ванную. Принесла из кухни стакан холодной минеральной воды. Заставила выпить. Затем еще один стакан. Деликатно подождала за дверью, пока он блевал. Мучительно, долго и жидко. Проследила, чтобы он умылся. Уложила на диван в кабинете, предварительно сняв с него пиджак.

Герман Николаевич был пунктуален. Именно поэтому его номер до сих пор у меня в телефоне. Хороших наркологов в городе не так уж мало.